

**«ПОЛЬША ДЛЯ ПОЛЯКОВ»:
ПОЛИТИКА ПОЛОНИЗАЦИИ И РАЗНЕМЕЧИВАНИЯ
В ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х годов**

С. В. Кретинин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 декабря 2013 г.

Аннотация: *статья раскрывает основные направления политики полонизации и разнемечивания, проводимой руководством Польской республики в начале 1920-х гг. Основной акцент сделан на решении немецкого национального вопроса в Польше.*

Ключевые слова: *Вторая республика в Польше, немецкий национальный вопрос, полонизация, разнемечивание.*

Abstract: *the article reveals the main directions of the policy of Polonization and Entdeuschments, pursued by the Republic of Poland in the early 1920s the Main emphasis is on solving the German national question in Poland.*

Key words: *Second Republic of Poland, the German national question, Polonization, Entdeuschments.*

«Польша для поляков!» – такой лозунг стал лейтмотивом решения национального вопроса во Второй республике, образованной по итогам Первом мировой войны из территорий бывшей Российской, Австро-Венгерской и Германской империй. Из 30 млн населения около 7 млн – русские, украинцы и белорусы, 3 млн – евреи, 1,7 млн – немцы, а также кашубы, кабатки, словинцы, чехи, венгры.

В историографии, особенно германской, прочно утвердилось мнение, что польское руководство проводило в отношении национальных меньшинств дискриминационную политику полонизации [1, S. XIX]. Особенно четко этот процесс можно проследить на примере разнемечивания. В отношении немецких областей (Поморье, Познань, Верхняя Силезия, а также Лодзинский регион бывшего Царства Польского и др.) польское правительство проводило политику полонизации, за которую особо ратовали национальные демократы и их лидер Роман Дмовский – апологет пятской концепции расширения Польши за счет Германии. Менее агрессивно были настроены по отношению к меньшинствам Юзеф Пилсудский и его сторонники, хотя в целом немцы воспринимались большинством польских политиков и официальными властями как потомки колонизаторов, представители германского аппарата управления, хакатисты, остмаркисты. Единственным решением немецкой национальной проблемы в Польской республике считалась полонизация и разнемечивание (разгерманизация).

Уже в октябре 1919 г. председатель Парламентского комитета по внешней политике, будущий ми-

нистр культуры Станислав Грабский разработал «Познаньскую программу» полонизации восточных территорий. В своей знаменитой речи в Познани он заявил: «Мы желаем строить наши отношения на любви. Но любовь к своим соотечественникам и чужим людям – это разные вещи. Процент неполяков здесь недопустимо велик. Познань может быть нами потеряна, если чуждый элемент будет составлять в ней 14 %, тем более – все 20 %... Польская страна исключительно для поляков» [2, Вл. 3].

В рамках политики полонизации происходило вытеснение немцев из хозяйственной и общественно-политической сфер страны, их выдворение в Германию. Наиболее активно этот процесс проходил в таких регионах, как Познань, Поморье и Верхняя Силезия [3].

Идеологически полонизация (разгерманизация) новоприобретенных западных регионов Польской республики объяснялась ее руководителями необходимостью восстановить историческую справедливость, не допустить попыток ревизии границ со стороны Германии, сломить сопротивление немецких националистов. С этой целью в начале 1920-х гг. польские лидеры совершили несколько визитов в Познань и Поморье, в ходе которых публично разъяснили свою политику.

В ноябре 1921 г. Познань посетил новый премьер-министр Польши, эндек Антоний Пониковский. Председатель городского самоуправления г. Познани д-р Мицковский приветствовал его 27 ноября 1921 г. в Золотом зале ратуши, заявив: «Не является тайной тот факт, что в Германии господствует мнение о том, что Польша является временным государством. Как

известно, на частных и публичных собраниях местные немцы также разделяют это мнение... Поэтому мы должны действовать крайне осмотрительно и создать на наших западных границах такой сильный и надежный оплот, который только в состоянии создать поляки, более 100 лет испытывавшие тяготы и лишения германского господства. Наше население желает строгого соблюдения тех прав, что мы получили по мирному договору. Это единственный путь к разгерманизации этой области» [4, Вл. 109].

А. Пониковский в своей речи в Познани, подержав политику полонизации, заявил, что «немцы имеют в Польше куда больше прав, чем поляки в период политики остмаркизма» [Ibid., Вл. 180].

27 декабря 1921 г. по случаю третьей годовщины овладения Познанью Ю. Пилсудский дал прием в этом городе. В частной беседе с бывшим прусским министром д-ром Выбицким он заявил, что «здесь, как, впрочем, в двух других бывших разделах, сохраняются еще черты чуждой государственной культуры» [Ibid., Вл. 267]. Поэтому главной задачей государства Ю. Пилсудский считал преодоление чужеземного влияния и развития польской государственности.

В апреле 1923 г. премьер-министр В. Сикорский выступил в познаньской ратуше с речью, в которой призвал поляков ускорить процесс разнемечивания и завершить его уже в 1923 г. «Германия обязана понять, что воззрения ее националистов и государственных мужей по поводу поляков и западной границы должны измениться» [Ibid., Вл. 10], – заявил В. Сикорский. По его инициативе в польских СМИ была развернута пропагандистская кампания по обвинению немцев в нелояльности. Так, в марте 1923 г. польские газеты призывали: «Поляки, говорящие по-немецки, должны быть общественно осуждены! В интересах польского государства придать нашему сообществу национальный характер» [Ibid., Вл. 247]. При этом польский политик дал твердое обещание, что разнемечивание будет происходить строго в рамках законодательства под лозунгом: «Силу закону». Однако на практике в начале 1920-х гг. в западно-польских землях имел место серьезный натиск, если не сказать больше, – настоящий террор против немецкого и еврейского населения, о чем свидетельствуют многочисленные сообщения с мест, собранные германским МИДом.

Первая волна антинемецких акций прокатилась по районам Поморья и Познани летом–осенью 1921 г., затронув небольшие населенные пункты, в которых немцы составляли значительное число жителей. Так, в мае – июне 1921 г. были зафиксированы случаи массовых нападений на немецкие и еврейские семьи в Познани. Страдали в основном торговцы. Только в г. Острово (Познань) пострадало 50 семей. Несмотря на то, что этот регион был в ведении польских властей, германское руководство оказало пострадавшим

помощь частным порядком. Среди местного польского населения распространялись слухи о том, что немцы готовятся к ревизии границ, в частности, некий д-р Пауль Фляйшнер сообщал 10 июня 1921 г. в германский МИД, что в Западной Пруссии планируется собрание немцев с требованием провести плебисцит о государственной принадлежности Поморья и Познани [Ibid., R. 82187. Вл. 267]. Такие сообщения вызывали у польского населения раздражение и усиливали антинемецкие настроения.

Немецкие и еврейские депутаты сейма подготовили официальный протест, в котором подчеркивалось, что «эксцессы против немцев и евреев в Острово планомерно подготавливались, и польская полиция была в курсе этого, и ничего не сделала для предотвращения погромов» [Ibid., R. 82185. Вл. 35]. На заседании польского правительства 17 апреля 1923 г. польские партии отклонили протесты евреев, и ряд депутатов были отстранены от участия в заседаниях, в частности, депутат от немецкой социал-демократии бывшего Царства Польского Эмиль Цербе – на 10 дней и еще два депутата-еврея – на 2 дня.

Справедливости ради следует признать, что польские власти иногда приходили на помощь представителям национальностей. Из личного письма одного пострадавшего немца по имени Юкель из Острова от 11 июня 1921 г. следовало, что 2 июня на его семью напали. Это происходило на виду у двух польских офицеров, которые, как и соседи-поляки, никак не реагировали на призывы о помощи матери Юкеля, в то время как ее мужа избивали на улице. Семья подала официальное заявление в польский магистрат с указанием объема причиненного ущерба, и для расследования была создана специальная судебная комиссия [Ibid., R. 82185. Вл. 265]. Однако из архивных документов германского МИДа дальнейшее развитие ситуации проследить не удалось.

В Познани летом 1921 г. был распространен ультиматум немецкому и еврейскому населению с требованием выехать из страны. «Наша армия эмигрантов и рабочих требует, чтобы Вы и ваши товарищи не позднее 1 июля покинули Польшу, в противном случае будет организована очень жестокая насильственная акция, и все вы будете уничтожены на месте». Наш пароль: «Вон из Польши!» [Ibid., R. 82185. Вл. 122].

В Бромберге (Быдгощи) также 16–22 июня 1921 г. в городах Шильдберг, Адельнау, Кемпен прошли антинемецкие акции, организованные, по данным германского МИДа, польскими рабочими в количестве 22 тыс. чел., высланными из Германии. Была предпринята попытка штурма полицейского управления, в ходе которой погибло 3 человека и 14 получили ранения. Однако полиция и военные быстро взяли ситуацию под контроль [Ibid., R. 82185. Вл. 139].

Немецкие погромы были спровоцированы миграционной политикой польского руководства. Реализуя программу колонизации и разнемецивания, польские власти приглашали переселяться на историческую родину тех поляков, что оставались на территории Германии (600 тыс. по данным на 1921 г.). В частности, по донесениям германских агентов, летом 1921 г. польские представители агитировали поляков, проживавших в Вестфалии, переселяться в Польшу, где им обещали и работу, и жилье, и «теплые местечки», занимаемые доселе немцами. Однако на деле эмигранты не получали обещанного, что побуждало их к радикальным действиям, к погромам немецких и еврейских хозяйств [Ibid., R. 82186. Bl. 153].

Имели место и прямо противоположные случаи, когда немецкие агенты вербовали польских рабочих для германских предприятий. Например, некто Болеслав Куцап был завербован германским агентом на работы в Германии и выехал из Польши в 1924 г. Ему обещали «золотые горы», но в итоге у него закончилось разрешение на пребывание в Германии, а на родине в июле 1939 г. Куцап был лишен гражданства из-за непрохождения воинской службы [5, Boleslaw Kucap].

Размах антинемецких акций был связан с деятельностью польских нелегальных экстремистских организаций, таких как «Краевое командование по борьбе с немцами и евреями в Польше». Ее активисты рассылали письма с угрозами немцам. Например, подобное послание получила 14 сентября 1921 г. некая фрау Тренкнер из Яроцина, в котором она обвинялась в антипольской деятельности в годы войны: «Настоящим Вам предписывается покинуть наш город, а также пределы нашего государства. Для оформления проездных документов и заграничного паспорта Вам предоставляется срок в 10 дней, то есть до 23 сентября сего года. На следующий день Вы обязаны пересечь границу. Все наши предыдущие акции носили предупреждающий характер, так как мы не хотим иметь на нашей совести человеческие жертвы. Но мы будем вынуждены исполнить наш долг и по приказу нашего командования готовы привести в исполнение смертные приговоры» [4, R. 82187. Bl. 10].

Вытеснение немцев шло и на востоке Польши. Так, германское посольство в Варшаве сообщало о том, что многие немцы из Белостока были вынуждены продать свои участки, квартиры и оставить работу в 1922 г. [Ibid., R. 82191. Bl. 1].

21 января 1923 г. во время торжества по случаю трехлетия со дня занятия города Райхталь поляками произошел инцидент, когда польский священник во время мессы выступил с антинемецкими заявлениями, что вынудило германских граждан покинуть

службу. Они не принимали участия в празднике, хотя помогали украшать город. Парадоксально, но во всем городе нашлись всего лишь четыре польских флага, и все они были вывешены на ратуше. В отместку польские старосты изъяли у немцев их документы и запретили возвращаться в Германию до особого постановления. «Вас может привести в чувство только одно средство: польская плеть!» – заявили они германским гражданам [6, 08.02.1923].

В апреле 1923 г. имела место насильственная акция по отношению к немцам и евреям в Ярошине, а в середине декабря 1923 г. по ряду западно-польских городов прокатилась новая волна немецких и еврейских погромов. В Берлине констатировали, что особенно пострадало население Познани, Вольштайна, Лиссы, Бояново. Польская полиция действовала решительно, но остановить массовые беспорядки вовремя не смогла. Польские повстанцы распространяли листовки с призывами к антинемецким акциям. Любопытно, что они были заказаны и отпечатаны немцами в немецкой типографии (о чем сообщал Людвиг Вробель из Вольштайна) [4, R. 82193. Bl. 4].

Таким образом, в начале 1920-х гг. на бывших германских территориях имела место не просто колонизация, но и настоящее разнемецивание. Оно открыто не поощрялось польскими властями, но фактически являлось неофициальным продолжением их политики давления на немецкое население. Это давление осуществлялось и на официальном уровне, и наиболее ярко проявилось в вопросе о гражданстве.

Дело в том, что многие немцы, оказавшиеся в начале 1920-х гг. на территории Польши, не торопились определяться с гражданством. Формально они продолжали оставаться германскими подданными и были уверены, что их права гарантированы 91-й статьей Версальского договора. Однако в польском Законе о гражданстве от 20 января 1920 г. эта же статья Версальского договора была интерпретирована таким образом, что вместо того, что желающие оптировать в пользу Германии «могут» покинуть Польшу, получилось, что они «обязаны» это сделать до 31 января 1923 г. [7, S. 74]. В итоге польская точка зрения в праве оптации победила и была закреплена в Венской конвенции 1924 г. «О гражданстве и оптации». Согласно ей предполагалось переселение из Польши тех немцев, что выбирали германское гражданство (переселение предполагалось закончить к 1 августа 1925 г.). Однако на практике руководство Веймарской республики старалось воспрепятствовать выезду немцев из отошедших к Польше провинций.

Положения Венской конвенции активно поддерживал и проводил в жизнь один из главных идеологов колонизации и разнемецивания С. Грабский, ставший на короткое время премьер-министром. Он считал

пребывание больших групп германских подданных в Польше опасным. До августа 1925 г. Польшу добровольно покинуло 18 870 оптантов, а в 1926 г. германский МИД сообщил, что количество немцев, лишенных польского гражданства, составляет 200 тыс., а в целом польские документы не получили 900 тыс., хотя для большинства из них лишение польского гражданства оказалось временным [4, R. 82202. Bl. 1].

Принявшие германское подданство немцы оказывались в Польше на положении иностранцев и не имели никаких преимуществ, в том числе и в имущественном плане. Очень многие лишились собственности на территории Польши и даже не могли вступить в наследство.

Например, одна немка из Коннице (Померания) Ройшель хотела передать в 1922 г. по наследству участок своему зятю, крестьянину, но польские старосты объявили, что сделать этого она не может, так как зять ее – подданный Данцига, т.е. иностранец [Ibid., R. 82192. Bl. 128].

В 1923 г. из Померании польские власти решили выслать ряд крупных земельных собственников, в частности, фрау фон Бюлов, которой вначале выдали польский паспорт, а затем изъяли. В Цабно в апреле 1923 г. польская комиссия постановила уплотнить немецкого землевладельца Гуго Петера, который проживал в трехкомнатной квартире вместе с девятью домочадцами. Один его 12-летний сын при этом был тяжело болен. Тем не менее Петеру было предписано передать одну комнату поляку и делить с ним кухню! [Ibid., R. 82194. Bl. 138].

Дети немецких крестьян в Польше лишались польского гражданства и не должны были находиться в стране не более четырех недель. Но тем самым они не могли оказать своим родителям должной помощи в период сельскохозяйственных работ. Немецкие организации, например, Союз немецких крестьян в Познани и Померании, а также депутат сейма Б. Мориц пытались добиться увеличения срока пребывания для таких детей вплоть до девяти месяцев в году, обращаясь к официальному Берлину за помощью [2, NS 43/193. Bl. 3].

В схожей ситуации оказались и немцы на востоке Польши. После принятия земельного кодекса 1924 г. положение немцев Волыни ухудшилось. Несмотря на то, что немцы в соответствии с законом свои права на землю зарегистрировали, их нередко лишали польского гражданства на том основании, что собственности у них нет. В частности, это касалось тех крестьян, которые в 1916–1918 гг. из-за нужды временно переселились в Германию, а затем вернулись назад. «Польские репрессии уже привели к тому, что ряд нестойких элементов среди немцев обнаружил симпатии большевизму» [4, R. 82201. Bl. 44], – сообщали в Берлин лидеры волыньских немцев.

Официальные польские власти разделяли население Волыни на три основные категории: 1) поляки и лица, чье польское гражданство не подвергалось сомнению; 2) украинцы, русские, чехи, евреи и немцы, рожденные на территории Волыни, которые также имели право на польское подданство; 3) чуждые элементы, в отношении которых должен был действовать принцип двойного гражданства или которые вообще не могли рассчитывать на польский паспорт. Среди таковых по разным подсчетам было от 50 до 75 % волыньских немцев, что серьезно сказывалось на их социально-экономическом положении. Дело в том, что в первой половине 1920-х гг. польское руководство приняло законы, регулирующие хозяйственную жизнь в восточных областях республики, по которым преимущественные права на приобретение и использование земли и природных ресурсов получали польские граждане. В результате только за 1924–1925 гг. было ликвидировано 10 немецких поселений в Волыни [8, S. 75–76].

В Польшу не позволяли въехать для работы частным преподавательницам из Германии, которых нанимали состоятельные немцы польского гражданства. В 1922 г. их кандидатуры в массовом порядке отклонялись польскими старостами на местах. Польское руководство вообще не желало иметь на своей территории учителей из Германии (граждан Веймарской республики) и предписывало им до 1 июня 1923 г. покинуть Польшу [4, R. 82194. Bl. 131].

Германские граждане обязаны были платить больше в официальных учреждениях, им не возвращался налог на добавленную стоимость при оплате отелей. Преследованию подвергались не только представители интеллектуальной элиты немецкой национальности (учителя, юристы, журналисты), но и такие сугубо прикладные специалисты, как, например, ветеринары в Померании. Они лишались лицензии, и на сентябрь 1929 г. по данным Торнского консульства, немецких ветеринаров в Померании осталось всего 10 [Ibid., R. 82206. Bl. 243]!

Особое внимание при проведении разнемецивания польские власти уделяли вытеснению немецкой молодежи призывного возраста в Германию и Австрию с тем, чтобы затем лишить их гражданства по причине непрохождения воинской службы.

Лишение гражданства практиковалось польскими властями в отношении этнических немцев и евреев, которые были вынуждены выехать за пределы страны. Например, в 1921 г. глава еврейского семейства из поселка Домашов (Львовский район) Адольф (Абрахам) Ауэрбах покинул Польшу и оппировался в австрийское подданство. Такое же подданство имел и его сын Оскар 1907 года рождения. В 1937 г. польские власти официально лишили Оскара Ауэрбаха подданства (на которое тот и не претендовал), обвинив

в уклонении от призыва в армию Второй республики. Показательна при этом неповоротливость бюрократической машины в Польше, которой потребовалось пять лет на то, чтобы установить настоящее место проживания семьи Ауэрбахов (Вена) и их австрийское гражданство [5, Oskar Auerbach].

Полонизация затронула административно-управленческий сектор, откуда представители национальных меньшинств вытеснялись особенно активно. В Познани в ноябре 1921 г. началась реорганизация административного аппарата с тем, чтобы оставить работать только тех, кто знает польский язык. Были созданы специальные комиссии по проверке на знание языка, причем это затронуло представителей национальных меньшинств в самых различных сферах. Германское посольство в Варшаве (фон Шен) сообщало о казусе, когда депутат польского сейма от Померании Й. Шплетт, имевший диплом преподавателя польского языка, был вынужден сдавать экзамен польской комиссии, в состав которой входили штукатур, торговец и рабочий [4, R. 82188. Bl. 32]! Естественно, немцы были вынуждены покинуть места госслужащих. По данным консульства в Лодзи от января 1926 г. во всем воеводстве на государственной службе оставался только один немец, да и тот был женат на польке [Ibid., R. 82200. Bl. 197]!

Польские власти осуществляли фильтрацию лиц немецкой национальности и составили «черные списки» тех из них, которые были нежелательны как польские граждане. Особенно это касалось отставных офицеров германской армии, активных общественных и политических деятелей. В их число попали даже депутаты польского сейма, в частности один из лидеров немцев Познани и Поморья Ойген Науман. Германское консульство в Познани сообщало, что совет старост округа Шубин в апреле 1923 г. потребовал у Наумана сдать польский паспорт, так как он не имеет права на польское гражданство. Другому видному немецкому политику Эрвину Хасбаху отказали в праве на получение земельного участка, мотивируя это его недостаточной подготовленностью к сельскому хозяйству [Ibid., R. 82194. Bl. 25]. Герман Раушнинг – активный защитник германских интересов, руководитель немецкого издательства в Познани, был вынужден в 1926 г. покинуть страну и переселиться в Данциг. Аналогичным образом сложились судьбы и других видных немецких общественно-политических деятелей в Польше, например А. Айхлера.

Если «нежелательные элементы», такие как Айхлер и Раушнинг, не хотели сами покинуть Польшу, то обычной практикой разнемечивания была принудительная депортация. Например, весной 1923 г. произошел своеобразный «обмен любезностями», когда в ответ на лишение гражданства 70 поляков из

Померании польские власти выслали 70 немецких священников [Ibid., R. 82194. Bl. 172].

Познань и Поморье полонизация затронула в начале 1920-х гг. Иначе обстояло дело в польской Верхней Силезии, которая только в 1922 г. официально была закреплена за Польшей. Положение немцев в Верхней Силезии регулировалось Германопольским соглашением по Верхней Силезии от 15 мая 1922 г., часть III которого гарантировала защиту национальных меньшинств, повторяя статьи Версальского договора о национальных меньшинствах [9, S. 46–48]. По Женевским соглашениям воеводство Верхняя Силезия получила автономию. Исполнительная власть формировалась по результатам выборов в местный сейм (первые прошли в 1922 г.). Но возглавлял воеводство назначаемый из Варшавы воевода.

Верхняя Силезия сохранила в целом свое немецкое (немецкоязычное) население: такого оттока немцев из региона, как из Познани и Поморья, здесь не было. Верхнюю Силезию после 1922 г. покинула лишь незначительная часть населения, не желавшего оставаться под польским управлением. Большого притока польских переселенцев в область также не наблюдалось, однако именно из их числа (около 40 тыс.) комплектовались польские властные и административные структуры. Значительная часть из них была настроена националистически и антинемецки [10, S. 111].

В 1926 г. после майского переворота Ю. Пилсудский назначил воеводой Верхней Силезии Михала Грацынского (1890–1965) – одного из предводителей верхнесилезских восстаний, известного своим негативным отношением к немцам [7, S. 151].

Именно при М. Грацынском в Верхней Силезии началась активная полонизация и разнемечивание. Экономические позиции немецкого населения в регионе были ослаблены такими факторами, как инфляция злотого и рост налогов. В Верхней Силезии были самые высокие налоги из польских регионов. По подсчетам экономистов того времени они составляли 11,4 злотых в год на человека (включая детей), в то время как в Варшаве – 7,1, в Кракове – 3,4, в Волыни – 0,9 [11, S. 39]. Таким образом, польские подданные воеводства Силезия платили в 12,5 раз больше налогов, чем их соотечественники в Галиции! Высокие налоги в Верхней Силезии ослабляли экономические позиции немцев, которым принадлежало 75 % капиталов в тяжелой промышленности и 85 % частной собственности [12, S. 163]. Польские власти практиковали также закрытие верхнесилезских рынков для других польских регионов и разрыв экономических связей с соседней Германией («торговая война 1925 г.»), что также подрывало немецкие хозяйства региона.

Средством колонизации должен был стать созданный в 1933 г. в Катовицах при поддержке М. Грацынского Силезский институт. В сообщении во внешнеполитическое ведомство нацистской партии это учреждение характеризовалось как сугубо научное, чьей целью являлось исследование «актуальных для Силезии проблем». Но из программы работы института четко было видно, что его работа направлена на распространение, популяризацию и научное обоснование польской версии истории и современного развития Верхней Силезии. В частности, речь шла об истории польского национального движения в Силезии, о положении в германской части региона. В составе института доминировали польские ученые, часть из которых была приглашена из Кракова [2, NS 43/29. Vol. 1. Bl. 74].

Итогами колонизации и разнемецивания явилось сокращение немецкого населения в Польше, ослабление его экономических позиций, обострение германопольских отношений. Особенно серьезно от колонизации пострадали немецкие районы Познани и Поморья. Если в 1910 г. в Познани проживало 455 тыс. немцев, то в 1921 г. – уже 328 тыс., а в 1926 г. – 225 тыс. [13, S. 112]. В некоторых городах, где немцы до 1914 г. составляли абсолютное большинство, их численность к середине 1920-х гг. сократилась в разы. Так, в Торне (Торуни) в 1926 г. по германским данным проживало 47 567 жителей, из которых немцы составляли лишь 2259 чел. (5 %) [4, R. 82201. Bl. 129].

Безрадостные итоги колонизации мы можем оценить по документальным свидетельствам, сохранившимся в архиве германского МИДа. В сентябре 1922 г. «доверенное лицо» германского МИДа сообщал из Познани: «Город Познань полностью колонизован, и там не услышишь немецкой речи, и лишь в Бромберге все еще сохраняется в обиходе немецкий язык. В городе даже офицеры в польской униформе на улицах открыто говорят по-немецки» [Ibid., R. 82192. Bl. 145].

Испанская журналистка София Казанова, побывав в Познани, опубликовала в Мадриде трогательную статью под названием «Польские и немецкие дети» (2 ноября 1922 г.). Она писала: «Город Познань выглядит траурно. Вражда к немцам ощущается на каждом шагу... Перед своими домами немецкие и польские дети прощаются. Раньше они были товарищами, охотно играли вместе, но теперь они разъединены» [Ibid., R. 82192. Bl. 278].

Колонизация негативно сказалась и на немцах в Малой Польше. Так, в отчете о поездке летом 1926 г. германской молодежи из Бреслау и Киля в Вольнь подчеркивалось: «После мировой и советско-польской войн немецкие деревни разорены. Немецкий род в Вольни сильно ослаблен, но его жизненные силы не сломлены» [Ibid., R. 82201. Bl. 149].

Если в западных польских областях, в Познани и Поморье, политика разнемецивания привела к резкому сокращению немецкого населения, то на востоке страны столь массового оттока населения за границу не было (в том числе и в силу отсутствия четкого немецкого национального самосознания у бывших подданных Российской и Австро-Венгерской империй). Разнемецивание применительно к вольнским и галицийским немцам приняло характер ликвидации небольших немецких сельскохозяйственных колоний. В середине 1920-х гг. у вольнских немцев возник очень стойкий интерес к Германии, который активно поддерживался германским внешнеполитическим ведомством. Осуществлялись поездки вольнских немцев в Германию и посещение делегациями из Германии вольнских поселений, появилась масса публикаций, обсуждались программы поддержки немецкого населения. Тем самым колонизация способствовала росту симпатий по отношению к «великой прародине» Германии, росту прогерманских настроений, успешной националистической агитации.

Активная, не будет даже преувеличением сказать, агрессивная колонизация была характерна для периода становления Польской Республики, для конца 1910-х – начала 1920-х гг. Разнемецивание было составной частью политики колонизации, направленной не только против немцев, но и против других национальностей, в частности украинцев и белорусов. С середины 1920-х гг. начинается новый этап в политике польских властей, который принято называть временем «сбалансированной политики» в отношении меньшинств. Открытая враждебность к лицам непольской национальности сменилась внешним конформизмом. Впрочем, такая ситуация сохранялась недолго, и уже в начале 1930-х гг. началась вторая волна колонизации и разнемецивания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rauschnig H.* Die Abwanderung der deutschen Bevölkerung aus Westpreussen und Posen 1919–1929 / H. Rauschnig. – Berlin, 1988.
2. Bundesarchiv, Berlin (BA). – NS 43/29. – Vol. 1.
3. *Wanadowicz M. W.* Die Deutschen im staatlichen Sektor des öffentlichen Lebens in Großpolen, Westpreußen und Oberschlesien nach dem Ersten Weltkrieg / M. W. Wanadowicz // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. – 1999. – S. 555–582.
4. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Berlin (PA). VI Po. Politik 25-Polen. R. 82188.
5. Archiwum Akt Nowych, Warszawa. (AAN). Ministerstwa Spraw Wewnętrznych (M. S. W.). 1495 Utrata obywatelstwa polskiego, 1937–1939.
6. Schlesische Volkszeitung.
7. *Kotowski A.* Polens Politik gegenüber seiner deutschen Minderheit 1919–1939 / A. Kotowski. – Wiesbaden, 1998.

8. *Wiesner J.* Die soziale und wirtschaftliche Stellung der deutschen Bauern in Wolhynien, 1919–1939 / J. Wiesner. – Bonn : Univ. Diss., 1980.

9. Handbuch des Deutschtums in Polnisch-Oberschlesien. Eine Sammlung der im Abtretungsgebiete geltenden Grundgesetze für die nationale Minderheit. – Kattowitz, 1922.

10. *Michalczuk A.* Heimat, Kirche und Nation. Deutsche und polnische Nationalisierungsprozesse im gelten Ober-

schlesien (1922–1939) / A. Michalczuk. – Böhlau Verlag. Köln, Weimar, Wien, 2010.

11. *Lers J.* Oberschlesien / J. Lers. – München, 1932.

12. *Haubold-Stolle J.* Mythos Oberschlesien. Der Kampf um die Erinnerung in Deutschland und Polen 1919–1956 / J. Haubold-Stolle. – Osnabrück, 2008.

13. *Nordblom P.* Die Lage der Deutschen in Polnisch-Oberschlesien nach 1922 / P. Nordblom // Oberschlesien nach dem Ersten Weltkrieg. Studien zu einem nationalen Konflikt und seiner Erinnerung. – Marburg, 2003.

Воронежский государственный университет

Кретинин С. В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков и зарубежных славянских народов

E-mail: kre-sv@yandex.ru

Тел.: 8-473-276-84-01

Voronezh State University

Kretinin S. V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the History of the Middle Ages and Foreign Slavic Studies Department

E-mail: kre-sv@yandex.ru

Tel.: 8-473-276-84-01